

В блокадную зиму 1942 года, когда сотни ленинградцев умирали с голоду, фашистские самолеты часто бомбили город. В непогожие дни, затруднявшие прицельное бомбометание, противник посылал одиночные «юнкерсы», которые и не бомбили вовсе, а просто кружили в хмуром небе на большой высоте и по несколько часов кряду держали Ленинград в тревоге.

В эту до крайности напряженную, беспокойную пору в штаб нашей армии ПВО начали поступать сигналы о том, что слухачи — бойцы на звуковых установках стали хуже работать. Нередко они с опозданием обнаруживают в воздухе вражеские цели и дают о них неточные данные. Прожектористы из-за этого, ловя в перекрестие лучей немецкий самолет, слишком долго «мажут» по небосводу, а зенитчики, в свою очередь, открывают огонь, когда самолет уже находится за линией фронта.

Я в то время исполнял обязанности редактора многотиражной газеты ленинградской армии ПВО. Как-то зашел я к начальнику политотдела армии полковому комиссару Геллеру и доложил, что редакция намерена выступить с критикой слухачей.

— Не торопитесь, капитан, — сказал полковой комиссар и взял со стола политдонесение из прожекторной части. — Они там в полку считают, что на почве недоедания у слухачей притупился слух. Здесь, я думаю, есть доля правды, а может, и вся правда: воинский паек на нашем фронте не изобилует калориями. Словом, подождем пока с критическим выступлением в газете. В самые ближайшие дни я лично займусь этим вопросом. — И, подумав, заключил: — Во всяком случае, в том, что немцы участвовали в налетах на Ленинград, виноваты и слухачи...

На следующее утро Геллер заглянул в редакцию:

— Зайдите ко мне, капитан, через часик!

Когда я пришел к нему, полковой комиссар взял с этажерки две книги и, передавая их мне, сказал:

— Вот тут «Слепой музыкант» Короленко и рассказ Герберта Уэллса «Страна слепых». Наверное, вы давно это читали? Выберите время и перечитайте обе вещи к вечеру. А потом поговорим.

У меня чуть было не вырвалось: «А зачем это мне?» Но, вспомнив, что просьба начальника есть приказ, ответил, что постараюсь прочесть, хотя в день выхода газеты у меня не было ни минуты свободного времени.

Наверное, Геллер все-таки заметил недоумение на моем лице, потому что счел нужным сказать:

— Я еще пока не могу судить определенно, но может быть, что и эти вещи, и некоторые другие произведения помогут нам в защите ленинградского неба.

Геллер затем велел мне узнать, Открыта ли Публичная библиотека и в какие часы.

Пораньше управившись с газетой, я принялся за книги, которые дал мне полковой комиссар. Некоторые места Геллером были подчеркнуты, и я их перечитывал по несколько раз, еще не вполне представляя, почему комиссар обратил на них внимание.

В «Слепому музыканте», например: «Темная голова ребенка обогащалась новыми представлениями: посредством сильно изоощренного слуха он проникал все дальше в окружающую его природу...»

Или вот это:

«Звуки были для него главным, непосредственным выражением внешнего мира; остальные впечатления служили только дополнением к впечатлениям слуха, в которые отливались его представления, как в формы...»

И тут же на полях приписка: «Где-то, помнится, читал, что острота слуха и музыкальный слух — два различных, не связанных друг с другом понятия. Хорошо слышащий человек может быть совершенно лишен музыкального слуха. А человек, даже оглохший, может сохранить в себе

ощущение музыкального слуха. Пример с Бетховеном! Однако „Слепого музыканта“ иметь в виду!»

В рассказе Герберта Уэллса: «Многое в их представлениях отмерло вместе со зрением, и они создали для себя новые пути познания, пользуясь своим все более обострившимся слухом и осязанием в концах пальцев... Чувства их чудесно изощрились. На расстоянии двенадцати шагов они воспринимали и улавливали малейшее движение человека, слышали даже биение его сердца...»

Как мне и было приказано, я прочитал обе книги и выяснил часы работы Публичной библиотеки.

Под вечер, когда на город уже легли ранние зимние сумерки, начальник политотдела зашел в редакцию и, видя, что я сижу над оттисками полос, сказал:

— Жаль, что вы заняты, я хотел предложить вам сходить со мной в Публичку.

— Если прикажете, — сказал я вставая, — но я дежурю по редакции ... — Ладно, дежурьте!..

Визит в Публичку остался в памяти Геллера, он потом рассказывал об этом подробно.

Преодолев холмы намерзшего льда перед входом в библиотеку, Геллер вошел в здание и хотел снять шинель, но в гардеробе никого не оказалось, металлические вешалки пустовали, за перегородкой, подремывая, сидела пожилая женщина в милицейской форме. При виде полкового комиссара она с усилием поднялась, небрежно козырнула и, глянув бегло на удостоверение, пропустила Геллера в глубь здания.

В читальном зале было темно и холодно. Только несколько столиков, за которыми сидели читатели, освещались коптилками, готовыми погаснуть всякий раз, когда кто-нибудь неосторожно переворачивал страницы.

Обслуживали зал две женщины в зимних пальто, перетянутых в талии ремешками, в валенках и толстых шерстяных платках.

Геллер спросил, может ли он посмотреть в картотеке литературу о слепых. Женщина подвела его к высокому шкафу, осветила лучиной и, указав на один ящик, слабым голосом сказала:

— Вот здесь ...

Геллер выдвинул ящик, выписал на листке с десятков книг и журналов и принес листок дежурной.

Она взяла у него листок, пробежала глазами и, словно извиняясь, сказала, что доставить сразу все книги у нее нет сил, она будет приносить по одной-две.

— Может быть, помочь вам?

— Нет, это не полагается.

Он сел за стол, где уже занимались три человека в пальто, меховых шапках и толстых рукавицах, которыми они приладились перелистывать страницы. Один из них, должно быть, был филологом — перед ним лежал сборник пословиц и поговорок Даля; двое рассматривали какие-то книги с чертежами, которые они вместе разбирали, перебрасываясь между собой техническими терминами.

Геллеру женщина принесла реферат доктора Сурова «Краткий очерк физиологических особенностей слепых», изданный в 1912 году в Симбирске, и несколько номеров петербургского журнала «Слепец» за 1896 год со статьей французского профессора Дюфура «Физиология слепых».

Пока он читал и делал выписки в блокнот, перед ним выросла целая стопка книг и журналов. Время подходило к десяти вечера, пора было возвращаться в штаб, где в этот час ему приносили папку с политдонесениями. Геллер читал их немедля и на их основе составлял обобщающее донесение для Политуправления фронта.

Отнеся дежурной книги и журналы, комиссар попросил не убирать их: он еще придет, — и, поблагодарив ее, направился к выходу...

Бытовой С. Ленинградская баллада // Звезда. — 1974. — № 1. — С. 146—147.